

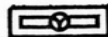
ЦЕНТРАРХИВ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ИЗ ДНЕВНИКОВ

А. Н. КУРОПАТКИНА и П. П. ЛИНЕВИЧА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД. 1925

Siehe reverso.

Linewitsch, Nikolai Petrowitsch (1838 - 1908). Kais. russ. General der Infanterie, Oberbefehlshaber der russischen Truppen in Mandschurei. "Aus meinen Tagebüchern". //Russisch-Japanischer Krieg. Leningrad 1925.

Церпицкий не только лично сам, как всегда, суется и куда-то всегда спешит, но говорят, что он причли к сему и всех своих подчиненных. Иванов говорит, что все там бегают, как оглашенные; того и гляди, что с ног соьют. При таком положении дела трудно ожидать какого бы то ни было успеха.

Я очень рад, что ко мне командовать 3-м корпусом возвратили генерала Иванова. Он человек спокойный, с трезвым взглядом на военное дело; мне он будет более чем полезен для командования войсками на Гаутулинской позиции и на позиции 3-го корпуса.

Кашталинский проспал наш опорный пункт № 16, командующий весьма важным участком. Бог даст, не возвратит ли нам этот форт Иванов.

Хочу перейти сам в наступление. По моему мнению, японцы сильно разбросались, и кажется, что можно будет в каком-либо пункте их ковырнуть. Разработать эту задачу я поручил Харкевичу и Иванову¹⁾; тоже сегодня привлек и генерала Иудовича Иванова. Собственно я им поставил две задачи:

1) Атаковать тех японцев, которые находятся ныне против Ренненкампа у Мадзюндана²⁾ обходом японцев с тыла по дороге на Тахутхей и далее на север.

2) Другую задачу я предложил обсудить: не лучше ли нам занять Ралуню и Чинхечен (Цинхенчен?), оставив японцев у Мадзюндана, и уже после сего их атаковать с юга и с севера, при чем с севера двумя колоннами—Ренненкампа и Данилова³⁾. По моему мнению, легче разрешить первую задачу, потому что, если мы зайдем обратно Цинхенчен, можем быть, в свою очередь, атакованы с севера и значительными новыми силами с юга.

Но я еще не избрал об изложенном свое решение. Сегодня на рассвете японцы взяли на Гаутулинской позиции самый главный форт № 16, что, вероятно, поведет к падению всей Гаутулинской позиции.

16 февраля.

Сегодня на рассвете японцы взяли форты №№ 17 и 18, как, я вчера и предполагал; тоже взяли и 19⁴⁾.

Главнокомандующий сообщил мне по телефону, что японцы грозят обходом на Люхе нашего правого фланга, что, по его мнению, весьма опасно, и просит в подкрепление к нему прислать 1-й Сибирский стрелк. корпус, который вчера прибыл ко мне и который сегодня отправил на Лудиаза с целью продвинуть завтра далее наступление и затем атаковать японцев, находящихся перед позициями Ренненкампа и Маслова. Отозвание первого корпуса на правый фланг лишило меня возможности нанести удар японцам 17 или 18 февраля.

¹⁾ Вероятно, описка и вернее всего предполагать: «Харкевичу и Орановскому». *Ред.*

²⁾ К этому времени Алексеев уже отошел от Инхинчана к Мадзюндану и был заменен Ренненкампом. *Ред.*

³⁾ Новый отряд из 9 Вост. Сиб. стр. дивизии, выдвинутый, в виду обнаруженного дальнейшего обхода японцев, к А. Куляза. *Ред.*

⁴⁾ Участки Гаутулинской позиции. *Ред.*

Сегодня японцы на Гаутулинской позиции взяли № 19, но зато и мы сегодня взяли, т.-е. отбили у них № 17. Вечером главнокомандующий весьма удрученным тоном сообщил, что японцы в составе 4-х дивизий наступают вверх по Люхе и что вторая армия отступает и даже десятый корпус выравнивается по ней.

Сегодня главнокомандующий приказал, чтобы все оклады между главной позицией и Мукденом вывозились в Телин и далее; следовательно, вероятно, он в своей голове решил отступление всех армий.

Если это состоится, я представляю себе, сколь возрадуется генерал Гриппенберг, который настаивал на том, чтобы отступить к Харбину и над чем так зло подсмеивался и генерал Куропаткин.

Не могу сказать, чтобы генерал Иванов получил в наследие со своим корпусом и благополучие на своих позициях. Веде японцы имеют успех, веде они отбирают сопку за сопкой и веде своими маневрами, ожесточенным огнем и настойчивым наступлением заставляют нас, русских, отступать.

17 февраля.

Сегодня идет атака на фронте всех армий. Сколько мне известно, атаки веде отбиты, но все эти атаки были весьма слабы и производились самыми незначительными отрядами японцев.

Атака на отряд Ренненкампа ведется весьма ожесточенная как на фронте, так и на правый его фланг, но атаки все отбиты.

Однако же, Ренненкампа мне доносит, что весь его отряд ведет бой с 8 февраля ежедневно, без перерыва, что люди все переутомлены и что во многих ротах состоит налицо не более 20 человек здоровых.

Нисколько этому не удивляюсь. Точно так же с таким же переутомлением яному несут службу и все нижние чины Гаутулинского перевала, без перерыва с 10 февраля.

Генерал Данилов совершенно ликует: он донес мне, что 23-й полк отбил пять атак, а 24-й полк тоже отбил у японцев сопку.

Тем не менее, Иванов решительно доносит, что он перевал Гаутулин удержать не может, и требует разрешения отступить, иначе он может потерять всю артиллерию, так как японцы уже начинают новую атаку на правый фланг, уже отступивший, и на левый, еще сидящий в своих редутах.

Генерал Харкевич требует от меня настойчиво и в возбужденном состоянии дать разрешение отступить из Гаутулина, иначе мы вовсе не успеем отступить; Орановский тоже поддерживает это требование. Но я еще держусь, настаиваю на моем первом приказании из Гаутулина не отступать, а им обоим объявил, что я донесу об этом предварительно главнокомандующему по телефону. При этом я также объявил, что не могу согласиться на отступление еще и потому, чтобы наше отступление не повлияло на ход сражения 2-й армии и не повело к отступлению всех наших армий.

Эта твердость моя еще несколько успокоила Харкевича, но он все же в нервном и в возбужденном состоянии твердит, что нашему левому флангу необходимо отступить.

Поздно вечером ген. Иванов вновь по телефону мне сообщил, что он более держаться не может, и если я удержу его до рассвета,

то он не в силах будет отступить, поэтому он безусловно просит дать разрешение отступить.

Я по этому вопросу по телефону спросил указаний у главнокомандующего; но он мне, как в девять часов вечера, так и сию минуту, в 12 ч. ночи, объявил, что на отступление он не соглашается. Он отказывается от двух полков, 2-го и 36-го, мною задержанных, чтобы Иванов удержался на Гаутулине. При чем добавил, что во 2-й армии в настоящее время идет сражение, которое еще неизвестно чем кончится ¹⁾. Оно в настоящее время идет против Мукдена, в 12 вер. на запад. 12-й корпус ²⁾ и другие корпуса пока все на своих местах, а потому и нам крайне необходимо держаться на Гаутулине, и если уже это невозможно, то мое дело решить, когда и куда отступить, но на ближайшую позицию, так как мое отступление поведет к отступлению 2-го, 4-го и 1-го армейских корпусов.

Такое решение я вновь передал в 12^{1/2} ч. ночи Иванову, сделал распоряжение срочно ему на поддержку отправить пять батальонов и, пожелав успеха, отпустил его от телефона.

Но Харкевич все же не успокоился, нервно требует отступления и указывает на записку капитана 21-го полка Кашина, который в отряде ген. Любавина ³⁾ и тоже сообщает о тревожном состоянии отряда Ренненкампа, так что, если я не пришлю подкреплений, то наши войска погибнут.

Вот когда наступило тяжелое положение.

Резервы мы сняли с Лиудзян, — два стрелковых батальона 2-го полка и два с половиною батальона Куликовского полка, который находился в Шихуйчене, а пятый батальон просили отправить от генерала Кашталинского.

Ныне у нас в резерве остался я только один и мой начальник штаба Харкевич. Но все это еще будет поправимо, дай только бог, чтобы 2-я армия сегодня одержала победу на правом фланге, западнее Мукдена.

На все прочие корпуса японцы хотя и делают нападения, но это не более, как демонстрации и притом мелкими частями.

Бомбардировка все же идет на всем фронте и особенно у нас, на Гаутулине. Сегодня прислал мне письмо Кашталинский, что форт № 16 взяли японцы на рассвете, что комендант форта подполковник Галковский с офицерами пьянствовали и ночью спали, не приняв соответствующих мер предосторожности и предупреждения от нечаянного нападения японцев. Они, японцы, просто забрасывали фашинным проволочные ограждения и просто лезли вперед, не встречая сопротивления огнем, так как в форте все спали.

18 февраля.

Утром получил телеграмму, что и у Данилова неблагополучно, — что его тоже сильно атакуют 18 японских батальонов.

¹⁾ Сражение под Мукденом. *Ред.*

²⁾ Ошибка, такого корпуса на Манчжурском фронте не было. *Ред.*

³⁾ У перевала Туньсколи. *Ред.*

На всех наших позициях так же тяжело, как было и вчера. Харкевич сегодня будто бы спокойнее и пока не говорит об отступлении, но теперь еще утро, всего 8 ч. утра.

Данилов сейчас сообщил, что у него положение критическое и полторы тысячи раненых.

Куропаткин тоже прислал телеграмму, что он приказал Маслову отправить из Импани в Телин два батальона, в виду опасного положения Телина.

На поддержку Ренненкампа ночью отправили один батальон 36-го полка прямым путем.

Положение дел, вижу, и у меня делается критическим. Кажется, придется отступить.

Сегодня делаю распоряжение об осмотре всех тыловых дорог до Телина, на случай отступления.

Дорожное управление главнокомандующего плохо распорядилось по подготовке корпусных дорог на Телин, а оно взяло на себя эту заботу.

Каммергера Александровича ¹⁾ сейчас, в 9 часов утра, отправил в Фурмун вывезти всех раненых у Данилова.

Сегодня были произведены сильные и ожесточенные атаки на 17 и 18 В.-С. стрелковые полки, но все были отбиты.

На Гаутулинский перевал все утро велись атаки японцев одна за другой, при чем японцы после отбитой атаки отбегали даже иногда и за 30 шагов и оттуда, лежа за камнем или за трупом, отдыхали, собирались в кучи и вновь бросались в атаку. Лежа за камнями, иногда оттуда они бросали и ручные гранаты, а у нас таковых не имеется в достаточном числе.

Ренненкамф жалуется, что у него во всем отряде недостаток офицеров, иногда командуют ротами фельдфебели, а штаб-офицеров почти ни одного.

То же самое и в отряде генерала Иванова. В некоторых ротах у Ренненкампа и у Иванова осталось людей не более как по 20 человек.

Возвратившийся с позиции полковник Штегель ²⁾ мне говорит, что у людей полное переутомление, работать окопы не могут, сил нет, земля замерзшая, и все, где стоят, там и спят.

Вот в каком положении находятся у меня оба главные отряда: Гаутулинский и Ренненкампа, и в таком состоянии мы находимся уже пятый день или даже восьмой. Японцы же не унывают, лезут со всех нор и складок и беспрестанно повторяют атаку за атакою и днем и ночью. Всех людей наших истомили.

Главнокомандующий телеграфирует сегодня, что японцы выстроились фронтами к Мукдену и с запада от деревни Сампу ³⁾ на север до деревни Сампихе (Сампую?), что будто бы сзади этого фронта прошло японцев на север три полка по направлению к Телину.

Какие сюрпризы делают японцы и сколь бесстрашно! Нисколько не боятся отправить всего три полка на север, за 60 верст, к Телину

¹⁾ Не Александрович, а Александровский, главноуполномоченный Кр. Креста. *Ред.*

²⁾ Не Штегель, а Штегельман, военный инженер при армии Ливенча. *Ред.*

³⁾ На карте нет; примерно, по расположению войск, около Мадилу. *Ред.*

21 февраля.

Насколько вчера радостный день, настолько сегодня вновь тяжело. Генерал Засулич донес, что его всю ночь атаковывали японцы самым ожесточенным способом и везде настолько японцы жестоко были отбиты, что Засулич предполагал, что после дневной непрерывной атаки, вероятно, на эту ночь японцы оставят его в покое. Но японцы вдруг внезапно сегодня вечером вновь атаковали второй корпус, редуты 6, 7, 8 и 9. Во второй телеграмме Засулич доносит, что везде отби-ваемся. Это последнее радостно!

Но зато не радостно, что кн. Туманов и ген. Бачинский¹⁾, имея с собою семь батальонов, вдруг отступили с перевалов Кулинцы и с Сидинаки, при чем оба забыли свои задачи и поспешно отступили к дер. Тудяпуза.

Для восстановления там порядка я туда командировал генерала Харкевича; надеюсь, он всех удержит на своих позициях, и все они отобьются от японцев. Если же японцы собьют отряд Ренненкампа или отряд генерала Данилова, или генерала кн. Туманова, то положение моей 1-й армии будет тяжелое.

Я об этом докладывал по телефону генералу Куропаткину.

Но у Куропаткина нелегко. Он сегодня со 2-ю армиею предполагал атаковать японцев и действительно, вероятно, атаковал, потому что на мой вопрос, что делается на западном нашем фронте, он мне ответил: «нехорошо» и на этом прекратил разговор по телефону.

Вообще же говорил со мною отрывисто, весьма рассеянно и мало интересовался тем, что делается у меня в армии. Видно, что он чем-то очень огорчен. Вчера со мною в разговоре был словоохотливее и веселее.

Ренненкампа и Любавина тоже весь день японцы атаковали, при чем с фронта японцы повели атаку прямо в штыки и отбили черноряцев с передовой позиции. Ренненкампа однако же доносит, что он постарается возвратить свои позиции.

Посылая Харкевича к кн. Туманову для поправки дел, я избрал его по его развитию и твердости характера, но, к моему несчастью, он стал нервный, горячка, что, в случае тяжкой минуты, способен и себя привести, и во всем отряде всех привести быстро в панику. Ненадежный, но посмотрим, испытаем его; может быть, окажется и благоразумным на деле, подобно тому, как он благоразумен в кабинете.

Впрочем, я ему сказал, что, если нервы его разгуляются, он должен сию же минуту самому себе сказать: «необходимо быть спокойным»; и тогда спокойное благоразумие возвратится. Но увидим, как он исполнит свои обязанности в отношении задержания японцев от наступательного их движения по этому пути.

Однако, у нас в полках осталось очень мало нижних чинов. Так, например, в 71-й дивизии во всех полках и в 23 В.-С. стр. полку осталось в строю не более как 750 штыков, — это вместо 3.800 человек! С такою численностью не навоюешь!

Сегодня утром я получил телеграмму от главнокомандующего об отступлении всей моей армии за реку Хунхе. Дай-то, боже, благо-

¹⁾ Его отряд был расположен у перевала Сыдолинского. *Ред.*

получно отступить всем корпусам и всем моим отрядам. Особенно боюсь за отступление генерала Харкевича, генерала Ренненкампа и Данилова.

Тяжело еще и потому, что на все отряды нападают японцы, точно они предполагают, что мы намерены сегодня отступить со своих позиций.

Ренненкампа доносит, что у него идет бой и что он ни одной роты не может отправить к правому своему флангу на поддержку отряда генерала Туманова, ныне Харкевича.

Как я его ни просил, но Ренненкампа решительно отказал в какой бы то ни было помощи и обещал только послать четыре сотни Нерчинского полка, которые должны явиться на правом фланге и обеспокоить с тылу японцев, атакующих в настоящую минуту отряд Харкевича у Тудяпуза.

Куропаткин сообщил мне, что 2-я армия не достигла желаемых результатов и не сбила противника на правом фланге, а потому Куропаткин приказал мне сегодня же вечером снять вверенную мне 1-ю армию со своих позиций и отступить за реку Хунхе.

Для исполнения сего я без промедления делаю распоряжение о скорейшем отправлении с позиции всех излишних обозов и всех тяжестей, которые до сего времени еще не вывезены. Предвижу, что при отходе обозов будет большая каша.

Итак, главнокомандующий наш не в силах выполнить своей задачи — разбить японцев, напавших и продолжающих нападать на наше отечество. Должен сказать, что враг хитер, силен и многочислен; мы его считали всегда слабым, но он оказался весьма сильным и мужественным.

Я лично считал японцев, как и вообще всех азиатов, неважными воинами, об этом всегда и всем утверждал.

Я даже и Гродекову говорил, и как я ныне разочарован в своем предположении и как я каюсь и каюсь!

Вот уже 11½ ч. дня, но у нас в Шихуйчене все еще тихо, никакой суеты еще не замечается.

Выехал из Шихуйчена в 9 ч. вечера и приехал в Фушун в 11 час. вечера. Дорогою встречал много обозов и отступавшие войска. Везде порядок и спокойствие.

В Фушуне в этот же вечер, в 12 ч., ночи я ездил смотреть мост через реку Хунхе. На мосту останавливались подводы вследствие тяжелой езды по дамбе и крутого подъема на мост, а равно и вследствие недостаточного числа рабочих. Приказал нарядить роту к мосту помогать повозкам проходить по дамбе.

Офицеров при роте не было, — я сделал замечание.

Впоследствии на мост прибыл генерал Шоуль.

Везде из-за Хунхе, т.-е. с Гаутулинского перевала, отступили спокойно.

23 февраля.

Генерал Алексеев тоже отступил с аррьергардами, но суетливо, и Засулич говорил, что Алексеев растерял свою бригаду и даже с горю плакал.

Он остался очень доволен распорядительностью коменданта Казбека, но своими адмиралами и особенно Иессеном не совсем доволен.

Равно отзывался неодобрительно и о генерале Хрещатицком, которого, по словам других, называл хамом, способным развить только панику во вверенном ему крае.

Вообще же Бирилев пронырливый, остроумный, жизнерадостный, любящий речи говорить, но вполне достойный и неизмеримо выше Хрещатицкого, которому я вынужден написать письмо о том, чтобы он умерил свои разговоры о крайней опасности в настоящее время в Приамурском крае.

15 июня.

Все обстоит благополучно. Японцы молчат и пока хотя и подвигаются, но очень медленно.

18 июня.

Сегодня было сражение у Мищенки. Хотя конница и уничтожила один батальон, но и она сама потерпела, кажется, потери до семи офицеров и более 200 нижних чинов; принимала участие и драгунская бригада. Приехал в армию полковник Орановский, который говорил, что у камергера Александровского в Петербурге все интересовались, что за личность Линевиц. Об этом интересовался государь, обе государыни и все министры, при чем Кокотцев просил меня уведомить, чтобы за финансами я прямо обращался к нему и что отказа в деньгах не будет.

19 июня.

Прибыл в армию генерал Скугаревский и произвел приятное впечатление своим знанием и пониманием службы; он будет у нас достойным сотрудником.

21 июня.

Сегодня ко мне по моему приглашению собрался совет из командующих армиями. Прибыли Каульбарс, Куропаткин и Батянов и начальник штаба 3-й армии Мартсон. Мною было на совещании предложено несколько вопросов, при чем важнейший из них был, в какой фланг японцы нас атакуют. Я заявлял, что нас, вероятно, атакуют в средину, между 1-м армейским корпусом и 7-м, Ренненкампа. Почти все с сим соглашались, но решено еще не переводить войск с своих мест до более ясного определения решения японцев.

Куропаткин просит усилить Ренненкампа еще на 4 тысячи человек, на что я согласился; таким образом, Ренненкампа будет иметь в роте по 250 человек.

Также на совещании решено уничтожить нанятых в солдаты китайцев, но предоставлено каждому командующему армией попрежнему нанимать китайцев в солдаты, но в их полки и под ответственность самих командующих армиями¹⁾. Наибольшее знание и распорядительность и подготовленность выказал все же генерал Куропаткин.

¹⁾ Трудно понять мысль автора дневника. Ред.

22 июня.

Сегодня я ездил в 8-й корпус осмотреть Сынгайские позиции; последние сильно укреплены, и я могу не страшиться, что их могут взять нитурмом японцы. Некоторые из полевых укреплений просто таки форты крепостей с цитаделью.

Советовал я генералу Батянову приехать на позиции 2-й армии и осмотреть укрепления; равно сделал я распоряжение, чтобы все начальствующие лица 3-й армии прибыли бы на позицию осмотреть наши укрепления передовой позиции и принять к руководству на случай возведения таковых.

23 июня.

Сегодня были получены телеграммы о том, что броненосец «Потемкин Таврический» пришел в Одессу, вывез с броненосца на лодке тело убитого матроса и положил на мол с запискою, что если кто из портовых начальников придет на мол взять труп, то по городу будет сделана бомбардировка. Там в записке добавлено, что команда за смерть убитого офицером матроса перебила всех офицеров, добывая их по каютам. Последствием сего был полный бунт рабочих города и порта.

24 июня.

Сегодня утром от Хрещатицкого получено донесение, что с мыса Кришень вчера, 23-го июня, в 8 ч. утра, была видна японская эскадра из 4 броненосцев, 4 крейсеров и множества транспортов, направившихся на восток.

Сегодня же уже получил телеграмму, что означенная эскадра подошла к деревне Чеписалы, что на юго-восток от Корсаковского, и обстреливала берега; всего в эскадре виделось более 34 транспортов и миноносков.

Вероятно, будет высадка.

К вечеру была получена телеграмма, что японцы высадились близ селения Мерся. В виду сего начальник гарнизона в Корсаковском приказал бросить Корсаковский, сжег его и отступил в деревню Соловьевку. Не храбро же держит себя Арцишевский. Еще не видно было японцев, а уже бросили Корсаковский, — мало же надежды на такого полковника, как Арцишевский.

25 июня.

Рано утром сегодня к Соловьевской позиции с моря подошло два миноносца, и полковник Арцишевский бросил свою укрепленную позицию и отступил на север без потерь. Это уже вторую позицию бросает полк. Арцишевский без боя. Не храбрый же Арцишевский. Печально вообще служить и тем более воевать с такими храбрецами.

У нас на фронте все спокойно; японцы молчат, и мы молчим.

27 июня.

Арцишевский на Сахалине продолжает отступать во внутрь острова; вчера отступил из Владимировки. Я ему и генералу Ляпунову сделал внушение за таковое бегство из Корсаковского.

18 ноября.

Приезжал ко мне генерал Гапонов и говорил, что в Харбине Московский и Бутырский полки находятся в напряженном состоянии от множества караулов и обременительной службы в карауле. Выходят ежемесячно 15 $\frac{1}{2}$ раз.

Говорил также, что в Харбине один запасный батальон отказался идти в караул.

Вообще в Харбине от множества запасных только беспорядки; предписал все батальоны, запасные и маршевые, отправить, уволить из Харбина на родину.

Просил Гапонова произвести смотры бригад, которые в Харбине.

19 ноября.

В 12 $\frac{1}{2}$ часов дня приехал ко мне из плена через Владивосток Рождественский. Он сильно удручен всем происшедшим. Говорит, что главнейшею причиною тяжкого поражения флота было то, что люди на броненосцах несли сильные потери, и нервы их не выдерживали сильного огня, и все прятались, так как, действительно, не было никакой возможности высовываться, а кто вылазил, того поражали осколки бомб, летавших во множестве. Также говорит Рождественский, что наш флот нанес совершенно незначительные поражения японскому флоту.

О Небогатове говорит, что он сдался, видя свое безвыходное положение и не желая терять людей, — сдался из человеколюбия.

Рождественский не желал перейти со слабого на ходу миноносца «Буйного» на «Грозный», потому что не мог «Грозный» подойти быстро, и во всяком случае он, т.-е. «Грозный», был бы окружен японскими миноносцами и тоже погиб бы.

20 ноября.

Сегодня Куропаткин с Рождественским надумались посоветовать мне, чтобы я, отправляя на пароходе запасных в Одессу, отправлял бы, т.-е. сажал бы с ними, и одну строевую роту на тот случай, чтобы если запасные взбунтуются, то было кем на пароходе усмирить взбунтовавшихся.

Какое недоверие к солдату и какое жалкое понятие у обоих о службе, о солдате и о бунте! Если запасные 1.200 человек на пароходе взбунтуются, то, несомненно, увлекут за собою и роту.

Ныне забастовали в Приамурском округе все почтово-телеграфные чиновники. На донесение мне об этом генерала Хрещатицкого я приказал уволить со службы всех почтово-телеграфных чиновников, не желающих служить и работать, и заменить их новыми чиновниками, а если таких не найдется, то заменить их нижними чинами.

21 ноября.

Приезжал ко мне Надаров подтвердить, что он больше служить не может — нервы его расстроились, и он чувствует себя в настоящее время бессильным и бесполезным для службы, а потому он не желает получать даром жалованье и просит его уволить от службы.

Все это произошло главным образом потому, что он считает себя совершенно обиженным назначением Унтербергера. Он себя считает первым кандидатом на должность командующего войсками приамурского военного округа и приамурского генерал-губернатора.

22 ноября.

Возвратился ген. Семиванов¹⁾ из Владивостока, но нового ничего не привез. Я сегодня из Благовещенска получил 13 телеграмм, в коих все союзы меня просят отменить мое решение об увольнении почтово-телеграфных чиновников, забастовавших в Благовещенске. Решение это предоставил привести в исполнение благовещенскому губернатору Путяте, когда он признает это по местным условиям возможным.

23 ноября.

Приезжал сегодня Чичагов и привозил ко мне для награждения порт-артурцев, трех офицеров и четырех нижних чинов; офицеров я награждал Владимиром 4 ст., а нижних чинов — Георгием 4 ст. Все семь ранены, а нижние чины и по два раза.

Чичагов все просится в отпуск; всячески стремится к Витте. Телеграф и почтовые чиновники все же бездействуют; забастовка продолжается между ними вот уже почти две недели.

24 ноября.

Сегодня произвел смотр 7-му Сибирскому корпусу ген. Ренненкампфа. На смотре было 45 батальонов и 180 орудий. Эта армия предназначалась для наступления на Кавамуру, но заключение мира задержало наступление.

Все батальоны и роты были огромной численности и силы. Нисколько не сомневаюсь, что с столь сильным отрядом генерал Ренненкампф имел бы успех.

Офицерам были розданы ордена и нижним чинам знаки отличия. После парада, который начался в 11 час. дня и окончился около трех часов пополудни, был мною устроен завтрак, на который были приглашены все командиры отдельных частей и все генералы.

После завтрака, который начался после парада, около 4 часов после обеда, Куропаткин зашел ко мне доложить по различным вопросам и все же настаивал на прекращении продажи водки и разгула в Харбине.

Такое его заявление слишком опоздало. Мною уже несколько раз принимались меры к прекращению в Харбине пьянства, разгула и карточной игры, и особенно между офицерами, предписаниями моими и письмами генералу Надарову, и если до сего времени все эти предписания не имели успеха, то только исключительно потому, что Надаров не исполняет моего приказа и не высылает из Харбина всех запасных.

¹⁾ Командант крепости Владивосток. По его распоряжению, 9-го января во Владивостоке войска стреляли в демонстрантов. Сам Семиванов был тяжело ранен. Впоследствии в качестве приамурского военного генерал-губернатора жестоко расправлялся с революционными организациями. *Ред.*